

— Я сопровожу вас!

Только Розелин была взволнованной, в то время как Рикардис дал беззаботный ответ. «Да, хорошая идея». И так все уладилось. Конечно, человек со статусом Рикардиса не мог покинуть замок только с одним сопровождающим.

Вполне естественно, что новости достигли Старза, отвечавшего за охрану Рикардиса. Услышав неожиданное известие от Иссериона, он поспешил в кабинет Рикардиса. Старз, который собирался спросить, что происходит, нашел ликующую Розелин, забывшую сообщить о своем возвращении.

Он ненадолго вывел Розелин из комнаты. Когда они вскоре вернулись, Розелин, следовавшая за Старзом, выглядела угрюмой. Похоже, он жестоко отругал ее. После этого Старз взглянул на Розелин, услышав от Рикардиса: «У меня есть дела на фестивале, так что нужно сходить». Старз мог догадаться, почему Рикардис, ненавидевший шум на фестивале, теперь хотел посетить хаотичные улочки. Несмотря на эту абсурдную ситуацию— когда принц собирается выйти развлечься ради рыцаря— Старз изо всех сил пытался добиться наилучшего исхода.

Он назначил четырех старших рыцарей, ответственных за ночную смену, Пардикта, Хаганеля, Левона и Шутена, и двух младших рыцарей, Бастиана и Клода. Всего одновременно отправилось семь человек. Они сняли белые мундиры и переоделись в светлые рубашки и туники. Фестивальная улица—где люди обтекали рекой, а толпа была плотной, как гора—требовала вдвое большего количества сопровождающих. Но, узнав о месте назначения, все втайне обрадовались.

Рикардис и Розелин тоже переоделись. Один из них был цвета ночного неба, а другой —таким же ярким, как лунный свет и звездное сияние. Они выделялись, как лед и пламя. Иссерион мягко покачал головой. Эти двое смогли выбраться из замка только после того, как тщательно спрятали свои лица за капюшонами.

Голоса поющих от восторга посетителей фестиваля доносились из салона кареты. Розелин торопливо прижалась к окну, выглянув наружу. Все вокруг ярко освещалось, словно темная ночь потухла.

Дети бродили по улицам, увешанным разноцветными фонариками; к выступлениям готовились цирковые труппы со всей страны; а с прилавков торговцы распродавали товары, ища внимания прохожих. Фестиваль, начавшийся днем, с наступлением ночи стал более многолюдным.

Это был праздник, посвященный «Ночи без тени», первой белой ночи и дню появления черной луны. Скромные жилища и большие поместья одинаково блистали, прогоняя ночь. Люди

наряжались в сочные, пестрые цвета, а все, что близко к черному, прикрывалось или пряталось.

Рикардис сухо относился к таким национальным мероприятиям, но когда увидел Розелин, выходящую из кареты с улыбкой на лице и вот так оглядывающую всю улицу...

«Есть ли человек, которому так это нравится?....»

Розелин пребывала в сильном возбуждении. Скорость, с которой она все оглядывала, поворачивая голову то влево, то вправо, была необыкновенной. Рикардис сморщил нос и сосредоточился на обонянии. Повсюду пахло жареным мясом. Это бы фатальным для нее, которая и без того мучилась голодом.

— За нами следят?

Когда Рикардис спросил Левона, тот окинул взглядом Розелин, покачивая головой из стороны в сторону, а затем ответил.

—Хвостов не видно.

—Тогда ладно. Расслабьтесь тоже. Хуже не будет.

—Ваше высочество!

Рикардис нахмурился и легонько постучал кулаком по груди Пардикта.

— Тебе нужна трибуна для проповеди, сэр Пардикт? Тогда иди туда, и там кричи во всю глотку.

Это был несмертельный удар, но все же боль кольнула. Просто продолжайте кричать «ваше высочество!», дабы все знали, что здесь есть важное лицо. Рикардис с жалостью взглянул на Пардикта и вполголоса обратился к выстроившимся в строй эскорта, который был виден всем.

—Начнем с обращений. Я буду...молодым господином.

—Да, ваше высочество!

—... Зовите меня молодым господином.

— Да, молодой господин!

Все немного сбились с толку, но быстро ответили. Рикардис оглядел своих рыцарей. Они сняли мундиры и переоделись в одежду простолюдинов, но не могли скрыть своих сложенных, крепких тел и прямоходящих осанок.

Кое-где виднелись шрамы от мечей, но они выглядели далеко не мошенниками. Любой заметит, что они рыцари. Что может изменить иная одежда, если ядро остается прежним? Рикардис упрекнул их раздраженным тоном.

— Неужели вы не можете немного вписаться в атмосферу города?

Рыцари заколебались, бросив на него взгляд. Их одежда выглядела роскошно, но что плохого в нарядах, которые носили бы богатые простолюдины? Их лица говорили, что они совершенно ничего не понимают. Только Левон, изначально будучи простолюдином, рассмеялся. Рикардис глубоко вздохнул.

— Вы должны называть друг друга по прозвищам. Измените тон, чтобы говорить немного неформально. Я искренне надеюсь, что ваш настрой смягчится в этой мирной и счастливой повседневной жизни. Начнем с сэра Пардикта.

— Парпар.

За исключением Пардикта, остальные шестеро нахмурились. Только Розелин пробормотала «Парпар», чтобы запомнить. Затем и Розелин заговорила, правда с опозданием.

— ...Роза.

У нее не было особого ласкового прозвища, но она не могла создать его на скорую руку. Она вспомнила, как называла ее мать Розелин, Эдельвейс, и выронила слово из уст, но Розелин скомкала лицо. Это имя ей не очень нравилось.

С тех пор милые прозвища, такие как Хани, Лулу, Бистанг, Крем и Шушу, исходили из уст крепких мужчин. На самом деле, так их называли матери. Рикардису пришлось на мгновение крепко закрыть глаза. Это было просто ужасно.

— Я схожу с ума.

Это был момент, когда назывались имена, полные душевных ран.

Парпар показал неуклюжее выступление, произнеся незнакомое имя.

— Смотри...там, во втором переулке. Говорят, что выдержанная оленина во второй таверне такая вкусная. Ты слышала об этом, Ро...Роза?

Это был спектакль, который не смог бы одурачить даже трехлетнего ребенка. Однако, когда они называли друг друга прозвищами вроде «Крем» и «Шушу» вместо чопорных прозвищ вроде «Сэр Клод» и «Сэр Шутен», можно было заметить, как границы с прохожими размылись. Это нескладное произведение искусства работало лучше, чем ожидалось.

Всякий раз, когда они называли ее Розой, Розелин смотрела на своих товарищей -рыцарей прищуренными глазами. Она поджала губы и даже нахмурилась. Однако Парпар ее окликнул. «Цыц. Роза! Помни, что все это часть плана!»

После того, как ее отругали, ей пришлось жевать плоть щек изнутри, чтобы изо всех сил подавить гнев.

—Роза.

Молодой господин, наблюдавший за ней, сунул ей в рот жареную куриную ножку. Напряженные мышцы лица Розелин расслабились. Как будто ни на миг ей не был комфортен сей «план». После этого, похоже, ее не волновало прозвище. Возможно, она предпочитает быть довольной Розой, а не голодной Розелин.

Сначала их милость таилась только в прозвищах, но постепенно они начали растворяться в атмосфере. Со временем они поняли, что никакой реальной опасности для господина не было (если только третьесортные головорезы или карманники). Но лишь немногие из них подходили, завидев размеры Парпара, Хани и Шушу.

Тем не менее Роза быстро появилась, уняв приближавшихся. Она была шустрой, но ее умение обездвигать противника, не причиняя вреда, было куда превосходнее. После шепота Розелин на ухо карманник, извивающийся под ней и пытающийся убежать, должен лежать неподвижно, как труп.

Розелин тихо рассмеялась. Она сделала несколько бандитских трюков, коим научилась у Макаруна, и это возымело успех.

«Я должна рассказать Макаруну!»

Розелин и рыцари отправили нечистую стихию, пытавшуюся навредить благосклонности фестиваля, к городской страже. Глаза приветствующих мужчин ярко сияли. Они были одеты в повседневную одежду, но блюстители порядка узнали в них знаменитостей.

—Парпар.

— Что такое, Роза?

—Купи мне это. Я не взяла денег.

Парпар фыркнул. «Хо. Боже мой. Что за глупости? Разве ты не помнишь, что должна мне кое-что? Как же компенсация за щит?» Кряхтя, он все же заплатил за жареную говядину, которую так желал ее желудок. После этого Розелин попросила Хани купить это, Шушу купить то, Бистанга купить вот это, а затем вернулась и заняла деньги у молодого господина.

—Разве вы не можете заплатить месячную зарплату вперед, молодой господин? Я буду усердно работать.

Это была самая вежливая просьба на свете, поэтому молодой господин сказал, что понял. Рыцари покупали бесполезные вещи, такие как аксессуары и праздничные сувениры, но, завидев еду, они не скупились и клали Розе в руки.

Она слегка заплакала, когда съела блинчик с фруктами и сливками, купленными молодым господином.

—Хотела бы я, чтобы каждый день был праздником, — призналась Розелин.

Проходивший мимо мальчишка только что сказал то же самое, желая, чтобы каждый день был таким, как сегодня, поэтому Рикардису пришлось на мгновение закрыть лицо рукой. Раздался приглушенный смех, и плечи Рикардиса задрожали.

— Вы плачете, молодой господин?

—Нет, подожди...У меня болит голова...

Он как-то оговорился. К тому времени, когда круглая луна достигла своего пика в ночном небе, рыцари полностью растворились в праздничной толпе. Вместо сопровождения молодого господина было бы уместнее сказать «тащили», чтобы поразвлечься. Роза и Парпар наслаждались фестивалем, выигрывая все соревнования по уплетанию еды и выпиванию.